

У 12
664

кузнецов.

2022045154

12
664.

12
664

РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОПРОВЕРЖЕНІЯ

ПО ПОВОДУ КНИГИ Г. РОСТОВЦЕВА

„4-я ДОНСКАЯ КАЗАЧЬЯ ДИВИЗІЯ
въ Русско-Японскую войну“.

ПОЛТАВА.

Электрическая Типо-Литографія Губернскаго Правленія.
1912.

О П Е Ч А Т К А.

На страницѣ 31 напечатано въ первой строкѣ сверху
Столповъ, слѣдуетъ читать Стояновъ.

РАЗЪЯСНЕНІЯ И ОПРОВЕРЖЕНІЯ

ПО ПОВОДУ КНИГИ Г. РОСТОВЦЕВА

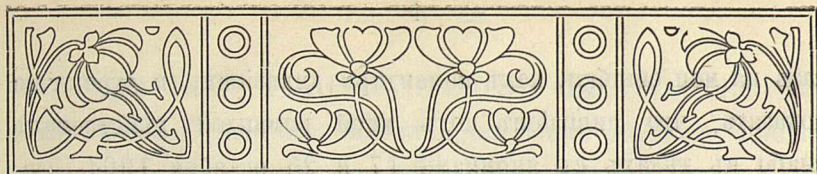
„4-я ДОНСКАЯ КАЗАЧЬЯ ДИВИЗІЯ
въ Русско-Японскую войну“.

ПОЛТАВА.

Электрическая Типо-Литографія Губернскаго Правленія.

1912.

Разъясненія и опроверженія по поводу книги г. Ростовцева „4-ая Донская казачья дивизія въ Русско-Японскую войну“.

Войсковой штабъ войска Донскаго при предписаніи отъ 11 марта 1911 года за № 2576 выслалъ мнѣ одинъ экземпляръ военно-историческаго изслѣдованія подъ заглавіемъ „4-ая Донская казачья дивизія въ Русско-Японскую войну“, составленнаго Федоромъ Ростовцевымъ. Изъ предисловія къ этому труду видно, что авторъ не принималъ участіе въ войнѣ съ японцами, такъ какъ прибылъ въ 4-ую Донскую дивизію въ концѣ войны, а потому писалъ исторію этой дивизіи со словъ участниковъ этой войны. Прочитавъ этотъ трудъ, я окончательно пришелъ къ убѣжденію, что исторія эта, несомнѣнно, была составлена г. Ростовцевымъ съ чужихъ словъ, при чемъ событія и характеристика участниковъ войны обрисованы г. Ростовцевымъ крайне тенденціозно и пристрастно, особенно тенденціозно и пристрастно написаны главы, посвященные дѣйствіямъ 3-го Донскаго казачьяго артиллерійскаго дивизиона, въ которыхъ авторъ допустилъ много ошибокъ и освѣтилъ событія совершенно въ превратномъ свѣтѣ и обрисовалъ меня, какъ командира дивизиона, крайне тенденціозно, предъявивъ массе несправедливыхъ и незаслуженныхъ обвиненій. На страницахъ своей книги, посвященныхъ 3-му Донскому артиллерійскому дивизиону, авторъ старается ука-

зять на мои ошибки, какъ командира дивизіона, и стремится доказать, что дивизіонъ подъ моею командой дѣйствовалъ слабо въ дѣлахъ съ японцами 17 и 25 октября 1904 года, между тѣмъ какъ Донскія батареи, работая самостоятельно 2 ноября 1904 года и въ другихъ дѣлахъ, дѣйствовали съ большимъ успѣхомъ, и что, слѣдовательно, командиръ дивизіона явился не на высотѣ своего положенія. Мало того, въ противовѣсъ командиру дивизіона, авторъ рисуетъ командира 2-й Донской батареи Войскового Старшину Тарарина чуть не героемъ, не подозревая о томъ, какъ далеко онъ отъ истины. Постараемся разобраться въ этихъ недоразумѣніяхъ и освѣтить факты въ ихъ настоящемъ свѣтѣ.

На страницѣ 77 авторъ пишетъ: *„въ дѣйствіяхъ отдѣльныхъ Донскихъ частей 17 октября обращаетъ на себя вниманіе работа артиллеріи. Прекрасный составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, казалось бы, долженъ былъ гарантировать искусное веденіе ими стрѣльбы въ боевой обстановкѣ“* и т. д. Изъ приведенныхъ словъ видно, что авторъ считалъ, что 3-й Донской артиллерійскій дивизіонъ имѣлъ прекрасный составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ и явился на театръ военныхъ дѣйствій со скорострѣльными пушками вполне обученный и вполне подготовленный для выполненія боевыхъ задачъ. На страницѣ 31 авторъ, описывая мобилизацію 2-й и 3-й Донскихъ батарей, говоритъ, что 3-й Донской артиллерійскій дивизіонъ за мѣсяцъ до выступленія въ походъ былъ вооруженъ 3-хъ-дюймовыми скорострѣльными пушками образца 1900 года и въ продолженіи этого мѣсяца былъ обученъ дѣйствіямъ изъ этихъ пушекъ Ессауломъ 6-й л.-гв. Донской ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батареи Чеботаревымъ, при чемъ указываетъ, что стрѣльба изъ этихъ пушекъ довольно сложная. Однако, обученіе шло успѣшно и Августѣйшій генералъ-инспекторъ

артиллеріи ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЫСОЧЕСТВО Великій Князь Сергій Михайловичъ, повѣривъ обученіе, остался доволенъ подготовкой дивизіона. По моему мнѣнію, хотя обученіе батарей дивизіона и шло успѣшно, но за одинъ мѣсяць, разумѣется, невозможно обучить батареи стрѣльбѣ изъ новыхъ пушекъ вполне основательно, такъ какъ обученіе стрѣльбѣ изъ скорострѣльныхъ пушекъ крайне сложно, оно заключается не только въ обученіи личнаго состава въ паркѣ, но, главнымъ образомъ, въ прохожденіи систематическаго курса стрѣльбы, для чего необходимо время, исчисляемое годами, а не однимъ мѣсяцемъ, кромѣ того необходимо обученіе батарей въ полѣ, для чего нужна предварительная и упорная работа съ отдѣльными командами развѣдчиковъ, телефонистовъ, сигнальщиковъ, ординарцевъ и занятія въ учебной командѣ, которая является школой для фейерверкеровъ, наводчиковъ и развѣдчиковъ. Такой продолжительной и систематической работы съ новыми скорострѣльными орудіями въ батареяхъ 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизіона не было, да и самый дивизіонъ былъ сформированъ только въ маѣ 1904 г. Я былъ назначенъ командиромъ 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизіона ВЫСОЧАЙШИМЪ приказомъ отъ 29 іюня 1904 года и прибылъ въ Чугуевъ, гдѣ находился дивизіонъ, 13 іюля. До этого времени въ 3-мъ Донскомъ артиллерійскомъ дивизіонѣ фактически не было командира дивизіона, такъ какъ бывшіе командиры дивизіоновъ полковники Садовскій и Золотаревъ вышли въ отставку по предѣльному возрасту и до выхода ВЫСОЧАЙШИХЪ приказовъ объ отставкѣ уѣхали въ отпускъ. Слѣдовательно, лѣтомъ 1904 г. въ продолженіи 2 мѣсяцевъ, а можетъ быть и долѣе, 3-й Донской артиллерійскій дивизіонъ былъ безъ командира дивизіона, т. е. оставался безъ руководителя. И это передъ самымъ походомъ. Разумѣется, дивизіонъ отъ этого много

потерялъ. Принявъ дивизионъ 13 іюля, я нашелъ его въ первоначальномъ періодѣ обученія. Хотя ознакомленіе личнаго состава со скорострѣльными пушками и шло успѣшно, но обученіе было скороспѣлое и познанія пріобрѣтались поверхностныя и нетвердыя; между тѣмъ, требовалось усвоить не только техническія свѣдѣнія по стрѣльбѣ, но и новыя требованія по тактикѣ скорострѣльной артиллеріи и эти свѣдѣнія усваивались медленно, и неудивительно: съ вооруженіемъ батарей скорострѣльными пушками артиллеристамъ пришлось забыть все то, чему учились въ мирное время. Прежніе лихіе конно-артиллерійскіе выѣзды отошли въ область преданій, позиціи, расположенныя на вершинахъ, были признаны пикуда негодными, послѣднія надо было выбирать сзади холмовъ, на склонахъ, а если мѣстность ровная, то въ лощинахъ и ямахъ. Мало того, стрѣльба должна была производиться командиромъ батареи не голосомъ съ одного изъ фланговъ батареи, а при помощи телефона или флаговъ съ наблюдательнаго пункта, находящагося вдали отъ батареи, при чемъ выборъ наблюдательнаго пункта являлся чрезвычайно важнымъ и главнѣйшимъ дѣломъ при выборѣ позиціи. Наблюдательный пунктъ долженъ удовлетворять многимъ условіямъ и давать возможность видѣть цѣли. Короче, скорострѣльная артиллерія внесла въ технику стрѣльбы и тактику артиллеріи полный переворотъ; всѣ новыя понятія и новыя сноровки невозможно усвоить моментально, усвоеніе ихъ требуетъ много времени, исчисляемое годами и мы видимъ, что для правильной постановки обученія стрѣльбѣ и новой тактикѣ полевой артиллеріи потребовалось нѣсколько лѣтъ. Послѣ всего мною сказаннаго ясно, что мѣсячное обученіе для конныхъ скорострѣльныхъ батарей слишкомъ недостаточно. Въ продолженіи мѣсяца батареи 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизиона усиленно занимались въ паркѣ,

съ момента же мобилизаціи, т. е. съ 20 іюля стали заниматься отъѣздами и подъѣздами, при чемъ пришлось изучать новый уставъ конной батареи, который былъ введенъ одновременно съ снабженіемъ батарей скорострѣльными пушками. Въ это короткое время съ 20 іюля по 11 августа, т. е. въ продолженіи трехъ недѣль, батареямъ надо было окончить мобилизацію, пройти отъѣзды и подъѣзды, батерейныя ученья, дивизионныя ученья и пройти курсъ стрѣльбы. Каждому артиллеристу вполнѣ понятно, что въ такой короткій срокъ трудно что нибудь сдѣлать, такъ какъ на прохожденіе курса стрѣльбы въ полевой артиллеріи обыкновенно полагается шесть недѣль. Поэтому никто изъ артиллеристовъ не удивится, если я скажу, что конное ученье 3-му Донскому артиллерійскому дивизиону въ этотъ періодъ мнѣ удалось сдѣлать только одно, да одно конное ученье съ тактической цѣлью было устроено дивизиону Августѣйшимъ генераломъ-инспекторомъ артиллеріи. Чувствуя, что батареи дивизиона и самъ дивизионъ далеко не слажены, я рѣшилъ заняться слаженностью дивизиона и батарей и ученьями съ тактической цѣлью послѣ окончанія смотра стрѣльбы съ 11 по 21 августа. Однако, планамъ моимъ не было суждено осуществиться. 12 августа мною была получена изъ штаба Кіевского военного округа телеграмма о немедленномъ выступленіи дивизиона на ВЫСОЧАЙШІЙ смотръ въ Персіяновку. Со смотра ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА дивизионъ возвратился въ Чугуевъ 21 августа, а 22 и 23 августа выступилъ на Дальній Востокъ. Изъ сказаннаго мною ясно, какъ мало было времени для подготовки батарей 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизиона и какой проницей звучать слова г. Ростовцева, писавшаго свое заключеніе о дѣйствіяхъ артиллеріи послѣ боя 17 октября 1904 г.: *„прекрасный составъ офицеровъ и нижнихъ чиновъ, казалось бы, долженъ былъ гарантировать*

искусное веденіе ими стрѣльбы въ боевой обстановкѣ. Оказывается, одного прекраснаго состава офицеровъ и нижнихъ чиновъ недостаточно для успѣха, нужна прежде всего солидная подготовка, которая приобретается годами. Что касается до заявленія о прекрасномъ составѣ офицеровъ, то я долженъ сказать, что офицерскій составъ былъ дѣйствительно прекрасный, особенно въ 3-й Донской батарее. Однако, для успѣха недостаточно имѣть отличный составъ офицеровъ, необходимо прежде всего имѣть надежныхъ командировъ. По мнѣнію г. Ростовцева, командиръ дивизіона былъ слабый, каковы же были батарейные командиры? Объ этомъ г. Ростовцевъ умалчиваетъ, хотя склоненъ видѣть почти героя въ командирѣ 2-й Донской батареи Войсковомъ Старшинѣ Таранинѣ. Каковы были батарейные командиры, объ этомъ знаютъ ихъ прямые начальники и г.г. офицеры 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизіона. Для меня смѣшны усилія г. Ростовцева обфлитъ батарейныхъ командировъ. Несомнѣнно, г. Ростовцевъ по этому вопросу былъ введенъ въ заблужденіе жалобами на командира дивизіона со стороны команднаго состава обѣихъ батарей, которыя были вызваны моею строгостью и требовательностью. Я не былъ доволенъ дѣятельностью батарейныхъ командировъ, такъ какъ находилъ ихъ слабохарактерными и неспособными держать свои батареи въ рукахъ и неспособными вести самостоятельно обученіе личнаго состава батарей. Что касается до казаковъ, то составъ этихъ послѣднихъ былъ очень хорошій, но въ рукахъ слабыхъ батарейныхъ командировъ этотъ отличный матеріалъ трудно было использовать, такъ такъ люди обѣихъ батарей были крайне распущены.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ и съ какими батареями мнѣ пришлось собираться на войну. Слабому командиру дивизіона справиться съ такими батареями было не подъ силу, но я ни на минуту не задумался и принялся за дѣло съ такой энергіей, о которой до сего времени вспоминаю

съ удовольствіемъ и гордостью, не смотря на неблагопріятную оцѣнку моей дѣятельности со стороны г. Ростовцева. Изъ приказовъ и приказаній по дивизиону за 1904—1905 года и переписки видно, какъ энергично я взялся за дѣло и какъ настойчиво я велъ дивизионъ къ усовершенствованію. Не буду подробно перечислять всѣ мѣры, которыя мною были приняты для постановки дивизиона во всѣхъ отношеніяхъ на должную высоту, такъ какъ онѣ видны изъ моихъ приказовъ, приказаній, предписаній и отчетовъ о боевыхъ дѣйствіяхъ дивизиона, скажу только, что отсутствіе въ дивизионѣ телефоновъ меня беспокоило еще во время прохожденія курса стрѣльбы въ Чугуевѣ послѣ мобилизаціи. Воспользовавшись пріѣздомъ въ дивизионъ Августѣйшаго генераль-инспектора артиллеріи, я обратился въ присутствіи Ессаула 6-й л. гв. Донской ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА батареи Чеботарева къ бывшему начальнику Чугуевского артиллерійскаго полигона подполковнику (нынѣ генераль-маіору) Кутателадзе, съ просьбой уступить полигонные телефоны дивизиону, но послѣдній отклонилъ мою просьбу. Хорошо зная слабыя стороны въ подготовкѣ батарей дивизиона и желая возможно скорѣе и лучше оріентироваться въ новыхъ требованіяхъ и приѣмахъ, выработанныхъ въ полевой артиллеріи во время войны, я въ день высадки дивизиона въ Мукденѣ, 5 октября 1904 года, розыскалъ генерала Холодовскаго, вырабатывавшаго въ то время приемы управленія огнемъ артиллерійскихъ массъ (дивизионовъ и бригадъ) въ полевой артиллеріи, и просилъ его ознакомить меня и г.г. офицеровъ со всѣми новыми приѣмами стрѣльбы и тактики полевой артиллеріи, выработанными войной. Генераль Холодовскій принялъ меня очень любезно и на другой день сдѣлалъ сообщеніе всѣмъ командирамъ и офицерамъ о новой тактикѣ артиллеріи и далъ намъ целлулоидные угломѣры и предложилъ намъ принять сигнализацию флагами, какъ средство для управленія въ бою батареями полевой артиллеріи.

Въ то время мною были выписаны телефоны изъ Никольска Уссурийскаго въ надеждѣ, что они придутъ къ намъ раньше, чѣмъ выписанные изъ Россіи, но, къ сожалѣнію, они долго блуждали по Манчжуріи и прибыли къ намъ только 20 мая 1905 года, казенный же телефонъ, одинъ на дивизионъ, былъ полученъ изъ Гунжулина только въ началѣ іюня мѣсяца 1905 года. Обо всемъ этомъ мною было подробно изложено въ отчетѣ о военныхъ дѣйствіяхъ 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизиона. Г. Ростовцевъ, приступая къ составленію исторіи 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизиона, согласился пріѣхать въ Чугуевъ по моей просьбѣ, чтобы ознакомиться со всѣми документами, касающимися исторіи 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизиона, но не сдержалъ своего обѣщанія, въ Чугуевъ не пріѣхалъ и допустилъ передержки какъ въ изложеніи фактовъ, такъ и въ выводахъ своихъ о моихъ дѣйствіяхъ, какъ руководителя дивизиона. Постараюсь шагъ за шагомъ прослѣдить за боевыми дѣйствіями 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизиона и выяснитъ всѣ ошибки, допущенныя г. Ростовцевымъ при описаніи этихъ боевыхъ дѣйствій дивизиона и батарей.

Описывая усиленную рекогносцировку 17 октября 1904 года, г. Ростовцевъ только въ началѣ дѣйствія дивизиона изображаетъ вѣрно, а затѣмъ излагаетъ факты неправильно. Онъ пишетъ, что съ первой позиціи „дивизионъ прекратилъ огонь въ 9 часовъ 45 минутъ утра и до 11 часовъ дня стоялъ на мѣстѣ бездѣятельно“. Это не вѣрно. Обстрѣлявъ д. Фуцзячжуанъзы и заставивъ японцевъ очистить эту деревню, дивизионъ перенесъ огонь по д. Лидіутунъ и стрѣлялъ по этой деревнѣ до 11 часовъ утра. Но если-бы и былъ перерывъ въ стрѣльбѣ, то за это молчаніе нельзя упрекать артиллерію, если только въ это время не появлялись выгодныя цѣли, такъ какъ скорострѣльная артиллерія не можетъ стрѣлять непрерывно, иначе она въ одинъ часъ разстрѣляетъ весь свой боевой комплектъ и останется безъ снарядовъ. Въ 11 часовъ утра командующій дивизіей ге-

генераль Телешевъ вызвалъ меня къ себѣ и приказалъ дивизиону переѣхать на вторую позицію. Сначала я возражалъ противъ переѣзда на вторую позицію, ссылаясь на *инструкцію о дѣйствіяхъ полевой артиллеріи*, утвержденную главнокомандующимъ, въ которой полевой артиллеріи рекомендовалось занимать одну позицію. Мнѣ казалось, что моментъ для переѣзда дивизиона на вторую позицію еще не насталъ, такъ какъ къ 11 часамъ утра первый моментъ боя (усиленная рекогносцировка) не закончился, ибо расположение противника и особенно его артиллеріи не было окончательно выяснено. Если бы рекогносцировка позицій японцевъ была закончена, то генераль Телешевъ могъ бы дать артиллерійскому дивизиону новую задачу и потребовать выѣзда на вторую позицію. Но такъ какъ командующій дивизіей настаивалъ на переѣздѣ дивизиона на вторую позицію, то я уступилъ и вмѣстѣ съ батарейнными командирами и развѣдчиками выѣхалъ на рекогносцировку второй позиціи въ направленіи на группу деревьевъ, которую я указалъ командующему дивизіей и спросилъ его, можно ли тамъ выбирать новую позицію, на что получилъ утвердительный отвѣтъ. Рекогносцировка второй позиціи авторомъ описана правильно, но все сказанное о выѣздѣ дивизиона на вторую позицію неправильно. Въ то время, когда велась рекогносцировка второй позиціи, дивизионъ по моему приказанію двигался впередъ шагомъ подъ командой старшаго офицера Ессаула Балабина, который, пройдя версты 1¹/₂—2, остановился у небольшой лощинки, причемъ на правомъ флангѣ стояло отдѣльное дерево. Ессауль Балабинъ, остановившись въ этомъ мѣстѣ, спѣшилъ ѣздовыхъ и номеровъ и чрезвычайно искусно укрылъ дивизионъ въ небольшой складѣ, покрытой по сторонамъ сухимъ гаолянѣмъ. Дивизионъ стоялъ въ развернутомъ фронтѣ на полныхъ интервалахъ и настолько хорошо былъ укрытъ и замаскированъ, что я, возвращаясь съ рекогносцировки, долго не могъ

отыскать его мѣстоположеніе и только замѣтилъ его тогда, когда подъѣхалъ къ нему на $1\frac{1}{2}$ версты. Въ виду изложеннаго, считаю всѣ разсужденія автора о неудачномъ занятіи дивизіономъ второй позиціи, якобы открытой и плохо маскированной, неосновательными. Что касается до страховъ офицера, участника этого боя, говорящаго, что выѣздъ на вторую позицію былъ крайне опасенъ и что дивизіонъ остался цѣль, только благодаря запоздалому выѣзду японской батареи, то страхи эти для меня непонятны. Японская батарея, очевидно, давно уже стояла на позиціи у восточной окраины д. Лидіутунь, въ чемъ убѣждаютъ насъ проволоочныя загражденія у непріятельской батареи, на которыя наткнулась при атакѣ сотня Ессаула Косоротова, а также донесенія хорунжаго Полковникова, отправленные имъ командиру 19-го Донскаго полка въ 11 часовъ 5 м. утра и личный докладъ его командиру полка, въ которомъ онъ указалъ, что д. Лидіутунь занята пѣхотой и артиллеріей, между тѣмъ какъ 3-й Донской артиллерійскій дивизіонъ, переѣхавши на вторую позицію, въ 11 часовъ 40 м. утра открылъ огонь по д. Лидіутунь. Ясно, что въ то время, когда нашъ дивизіонъ, съ 11 до 11 часовъ 40 м. утра, переѣзжалъ на вторую позицію, японская батарея стояла на позиціи у восточной окраины д. Лидіутунь и если въ этотъ моментъ она не стрѣляла по нашему дивизіону, то значить она его не видѣла во время переѣзда на вторую позицію. А это показываетъ, что переѣздъ дивизіона на вторую позицію былъ совершенъ искусно и скрытно, въ этомъ не можетъ быть сомнѣній. Указаніе автора на косой фронтъ, полученный при снятіи дивизіона на второй позиціи, вслѣдствіе чего 3-й Донской батареѣ, которая выѣзла впередъ, приказано было откатить орудія назадъ, считаю мелочнымъ. Подобныя ошибки дѣлаются довольно часто и легко исправляются. Въ данномъ случаѣ дивизіонъ былъ выравненъ и готовъ къ стрѣльбѣ къ моменту возвращенія батареинныхъ

командировъ съ рекогносцировки. Мелочное замѣчаніе это характеризуетъ отношеніе автора къ командиру дивизіона. Видимо, г. Ростовцевъ старается ставить мнѣ всякое лыко въ строку. Дальнѣйшія замѣчанія г. Ростовцева носятъ серьезный характеръ. Описавши впечатлѣнія участниковъ обстрѣливанія японской батареи нашего дивизіона, авторъ увѣряетъ, что дивизіонъ попалъ въ большую опасность и что командиръ 2-й бригады генералъ-маіоръ Абрамовъ вынужденъ былъ двинуться съ 25-мъ Донскимъ полкомъ на помощь дивизіону, но былъ остановленъ командующимъ дивизіей генераломъ Телешевымъ. Прочитавши это мѣсто въ исторіи 4-й Донской дивизіи, я долго недоумѣвалъ, зачѣмъ г. Ростовцевъ упоминаетъ объ этомъ эпизодѣ. Никто въ 3-мъ Донскомъ артиллерійскомъ дивизіонѣ и въ 4-й Донской дивизіи не считалъ положеніе дивизіона опаснымъ, такъ какъ стрѣльба японской батареи была безрезультатна и не причинила дивизіону никакихъ потерь, при чемъ японцы держались оборонительнаго образа дѣйствій, въ наступленіе не переходили и нашему дивизіону своей атакой не угрожали; на одного только генерала Абрамова стрѣльба японской батареи произвела тяжелое впечатлѣніе, но поведеніе генерала Абрамова было строго осуждено Командующимъ 4-й Донской дивизіей. Генералъ Абрамовъ недаромъ на другой день послѣ боя 17 октября получилъ записку отъ генерала Телешева, въ которой послѣдній сильно порицалъ поведеніе генерала Абрамова въ бою 17 октября. Г. Ростовцевъ, повидимому, задался цѣлью собирать противъ меня всевозможныя обвиненія и въ достиженіи своей цѣли ничѣмъ не брезгаетъ. Описывая стрѣльбу японской батареи по нашему дивизіону и впечатлѣніе, какое она произвела на личный

составъ дивизіона, онъ преднамѣренно подчеркиваетъ поведеніе командира 2 Донской батареи Войскового Старшины Тарарина, остававшагося на зарядномъ ящикѣ во время обстрѣливанія дивизіона японской батареей. Приведу подлинныя слова г. Ростовцева, писавшаго по этому поводу на страницѣ 71: *„Офицеры не имѣли опредѣленныхъ мѣстъ во время затишья и прятались, гдѣ кто попалъ: здѣсь же на батареяхъ, за ящиками, кто въ ровикахъ за деревьями, за буграми, могилами. Командиръ дивизіона спрятался за холмикомъ, прилегли къ землѣ. Командиръ 2 батареи Войсковой Староста Тараринъ стоялъ на батарее, высматривая все время съ лафета мѣсто-нахожденіе японскихъ орудій. Его спокойствіе имѣло настолько подбадривающее вліяніе на подчиненныхъ, что скоро на батарею появилось нѣсколько стоящихъ фигуръ“*. Видно, что г. Ростовцевъ желаетъ выставить Войскового Старшину Тарарина героемъ. По этому поводу я могу сказать, что случай этотъ авторъ напрасно старается подчеркнуть. Войсковой Старшина Тараринъ участвовалъ въ бою 17 октября 1904 г. уже не въ первый разъ, онъ бывалъ въ бояхъ въ Турецкую войну 1877—78 годовъ, а потому на него не могла произвести сильнаго впечатлѣнія безрезультатная стрѣльба японской батареи и высокіе разрывы японскихъ шрапнелей. Оставаясь на зарядномъ ящикѣ, В. С. Тараринъ, по моему мнѣнію, только рисовался, зная, какое это производитъ подкупающее впечатлѣніе. Стоя на зарядномъ ящикѣ, онъ, разумѣется, японской батарее не видѣлъ, такъ какъ съ заряднаго ящика ничего не было видно, вслѣдствіе чего онъ не могъ вести стрѣльбу съ заряднаго ящика; въ виду этого я приказалъ хорунжимъ Пименову и Максимову, какъ молодымъ людямъ съ хорошимъ зрѣніемъ, влѣзть на дерево, наблюдать съ него и помогать командиру 2 Донской батареи вести пристрѣлку по д. Лидіутунъ. Я понялъ бы и оцѣнилъ поведеніе В. С. Тарарина, если бы

онъ, стоя на зарядномъ ящикѣ, велъ стрѣльбу съ своей батареей въ то время, когда японская батарея начала обстрѣливаніе нашихъ батарей. Это было бы очень цѣнно и могло бы имѣть реальныя послѣдствія, между тѣмъ В. С. Тараринъ простоялъ на зарядномъ ящикѣ въ совершенномъ бездѣйствіи и безъ существенной пользы и подражать ему было бесполезно и вредно, ибо рисковать людьми зря является преступленіемъ. Тѣмъ не менѣе, г. Ростовцевъ подчеркиваетъ поведение В. С. Тарарина, рисуя его почти героемъ и пользуется случаемъ, чтобы провести параллель между нимъ и командиромъ дивизіона, который, по его выраженію, спрятался за холмикомъ. Читая эти строки, можно подумать, что командиръ дивизіона ушелъ съ позиціи, бросилъ свой дивизионъ, чтобы спрятаться за холмикомъ. Нѣтъ, этого не было и не могло быть. Холмикъ составлялъ наблюдательный пунктъ командира дивизіона и здѣсь же стояло отдѣльное дерево, съ котораго офицеры наблюдатели производили свои наблюденія. Естественно, что во время стрѣльбы японской батареи командиръ дивизіона укрылся за этимъ холмикомъ, но вмѣстѣ съ нимъ укрылись офицеры, находившіеся съ нимъ (хорунжіе Пименовъ и Максимовъ) и ординарцы изъ нижнихъ чиновъ. Но объ этомъ г. Ростовцевъ умалчиваетъ, ему необходимо выставить командира дивизіона въ дурномъ свѣтѣ. Напрасно г. Ростовцевъ стремится меня уронить, вѣдь самъ же онъ въ своей исторіи рассказываетъ о томъ, какъ 17 и 25 октября 1904 года во время боя я вмѣстѣ съ батарейными командирами и развѣдчиками выѣзжалъ далеко къ японцамъ, производя рекогносцировку позиціи. Могу увѣрить г. Ростовцева, что я, какъ командиръ дивизіона, всегда былъ на своемъ мѣстѣ какъ въ мирное, такъ и въ военное время и въ недостаткѣ мужества и рѣшительности мнѣ отказать никто не можетъ. Возвращаясь къ описанію боя 17 октября, обращаю вниманіе на рассказъ г. Ростовцева объ отступ-

леніи дивизіона съ позиціи. По этому поводу на страницѣ 72 авторъ пишетъ: „въ 2 часа 25 минутъ дня Полковникъ Кузнецовъ получилъ приказаніе отъ командующаго дивизіей отступать съ дивизіономъ. Это отступление совершилось безъ потерь, только благодаря тому, что японская батарея перенесла огонь на атакующую орудія 3-ю сотню 19 полка, а затѣмъ на коноводовъ у д. Фуцзяжуаньцзы“. Это совершенно невѣрно. Въ то время, когда Ессауль Косоротовъ атаковалъ съ своей сотней японскую батарею, на позиціи дивизіона были замѣчены дымки отъ выстрѣловъ японской батареи, отражавшей атаку нашей сотни. Замѣтивъ эти дымки на японской батарее, я немедленно приказалъ 3-й батарее открыть огонь по японской пѣхотѣ, стрѣлявшей по нашей сотнѣ въ промежуткѣ между д. д. Фуцзяжуаньцзы и Лидіутунъ, и 2-й батарее по японской батарее, обнаружившей себя большими клубами дыма отъ своихъ выстрѣловъ. 3-ья Донская батарея успѣла сдѣлать по указанной цѣли нѣсколько очередей, а командиръ 2-й Донской батареи Войсковой Старшина Тараринъ такъ увлекся своей героической ролью и, стоя на зарядномъ ящикѣ, такъ долго и внимательно всматривался въ японскія орудія, что прозѣвалъ моментъ и не сумѣлъ пристрѣляться къ японской батарее. Не имѣя возможности наблюдать съ позиціи результаты атаки нашей кавалеріи и опасаясь своими снарядами поразить своихъ, я остановилъ стрѣльбу и сталъ выяснять обстановку. Отбивъ атаку сотни Ессаула Косоротова, японская батарея, послѣ нѣкотораго молчанія, вновь стала обстрѣливать нашъ дивизіонъ. Въ это время на позицію пріѣхалъ ординарецъ отъ командующаго дивизіей хорунжій Секретевъ и передалъ мнѣ, что командующій дивизіей приказалъ артиллерійскому дивизіону отступать. Я, удивленный такимъ оборотомъ дѣла, спросилъ его, какими обстоятельствами вызвано это приказаніе. Послѣдній

отвѣтить, что приказаніе это вызвано неудачной атакой 3-й сотни Ессаула Косорогова японской батареей у Лидіутуня, которая была отбита непріятельской батареей и понесла тяжелыя потери. Послѣ этого я просилъ передать командующему дивизіей, что теперь, когда японская батарея обстрѣливаетъ дивизионъ, намъ нельзя брать назадки, когда же огонь японской артиллеріи стихнетъ, я прикажу батареямъ взять назадки и сдѣлаю это поорудійно съ фланговъ. Вскорѣ японская батарея замолчала. Пользуясь затишьемъ, я приказалъ батареямъ брать назадки поорудійно и по-ящично, начиная съ наружныхъ фланговъ со спѣшенными ѣздавыми и номерами, при чемъ подавать назадки непрерывно шагомъ безъ суеты и излишней поспѣшности. Подача передковъ орудійныхъ и ящичныхъ къ орудіямъ и заряднымъ ящикамъ была выполнена такъ скрытно и такъ умѣло, что японцы не замѣтили, какъ дивизионъ ушелъ съ позиціи. Только одинъ зарядный ящикъ нѣсколько задержался на позиціи и былъ обстрѣленъ японской артиллеріей, но безрезультатно. Задержка произошла оттого, что при подачѣ назадки проволока у чеки ящичнаго передка зацѣпилась за чаоланъ и выдернулась, отчего чека потерялась и колесо соскочило съ оси. Изъ изложеннаго ясно, кому батарее дивизиона обязаны отступленіемъ съ позиціи безъ потерь.

Изъ приведенныхъ мною объясненій и возстановленій фактовъ дѣйствія въ бою 3-го Донского артиллерійскаго дивизиона 17 октября 1904 года ни въ коемъ случаѣ нельзя считать неудачными. Напротивъ, 3-й Донской артиллерійскій дивизионъ въ бою 17 октября дѣйствовалъ правильно, никакого безпорядка въ дивизионѣ во время этого боя не было, весь личный составъ работалъ добросовѣстно и слѣдилъ внимательно за ходомъ боя, возложенныя на дивизионъ задачи обстрѣлывать д. д. Фуцзячжуанъцзы и Лидіутунъ не исполнилъ, при чемъ заставилъ японцевъ очистить первую деревню, что же касается до стрѣльбы по д. Лидіутунъ, то

дивизионъ своей стрѣльбой вызвалъ японскую батарею на отвѣтъ и тѣмъ заставилъ обнаружить свое расположеніе; развѣдка кавалерійскихъ развѣдчиковъ (хорунжаго Полковникова) и атака сотни Ессаула Косоротова окончательно выяснили расположеніе японцевъ въ д. Лидіутунъ и обнаружили японскую батарею. Такимъ образомъ, первая половина боя, имѣвшая цѣлью рекогносцировку позиціи японцевъ при д. д. Фуцзячжуанъцзы и Лидіутунъ, были выполнены коннымъ отрядомъ генерала Телешева успѣшно, при чемъ артиллерійскій дивизионъ работалъ въ связи съ кавалеріей. Если бой 17 октября окончился неудачно, то въ этомъ виновать командующій дивизіей генераль Телешевъ, который не рѣшился довести дѣло до конца. Если бы генераль Телешевъ уяснилъ себѣ обстановку, то онъ долженъ былъ составить окончательный планъ атаки японцевъ въ д. Лидіутунъ. Съ этой цѣлью можно было бы повести атаку съ обоихъ фланговъ, имѣя 19-й полкъ на лѣвомъ флангѣ въ д. Фуцзячжуанъцзы и 24 полкъ въ д. Тинъ-зянтунъ на правомъ флангѣ, а 25-й полкъ въ резервѣ. Одну батарею артиллерійскаго дивизиона можно было бы оставить дѣйствовать съ фронта, а другая могла бы дѣйствовать на лѣвомъ флангѣ вмѣстѣ съ 19-мъ полкомъ. Такой планъ атаки японцевъ самъ собою напрашивался. Но у генерала Телешева не хватило рѣшительности, отчего дѣло 17 октября имъ и не было доведено до конца. Нерѣшительность генерала Телешева набросила тѣнь на полки 4-й Донской дивизіи и 3-й Донской артиллерійскій дивизионъ, между тѣмъ какъ всѣ работали отъ сердца и не ихъ вина, что бой 17 октября не былъ доведенъ до конца и не увѣнчался успѣхомъ. А счастье было такъ возможно и близко.

Бой 17 октября, не смотря на неудачный исходъ, произвелъ на донцовъ въ общемъ хорошее впечатлѣніе, онъ нисколько не подорвалъ вѣры въ свои силы, для всѣхъ

было ясно, что японцы не такъ страшны, какъ объ нихъ говорили, артиллеристы же, побывавъ подъ японскимъ артиллерійскимъ огнемъ, убѣдились, что огонь непріятельской артиллеріи не страшенъ. Бой 17 октября былъ полезенъ для насъ и въ томъ отношеніи, что выяснилъ слабыя стороны нашей подготовки. Объ этомъ авторъ такъ пишетъ на 77 страницѣ: *„Для артиллеристовъ первый бой былъ полезенъ въ томъ отношеніи, что онъ указалъ на нѣкоторые пробѣлы въ образованіи, которые раньше не замѣчались. Въ свободное время батареи стали заниматься изученіемъ семафорной сигнализаціи системы генерала Холодовскаго. Было ясно, что наблюдать за паденіемъ своихъ снарядовъ придется не съ батарей, а стоядя отъ нея на извѣстное разстояніе. Между тѣмъ, телефона въ дивизионѣ не было. Отрадно было одно, пишетъ участникъ, урокъ не прошелъ даромъ; работали все отъ командира до казака, батареи мужали. Ждали второго урока“.*

Пробѣлы въ образованіи можетъ быть не замѣчались нѣкоторыми офицерами, но командиру дивизиона эти слабыя стороны были хорошо извѣстны, изъ нихъ неслаженность дивизиона и батарей стояли на первомъ планѣ, отсутствіе телефоновъ не позволяло использовать боковыхъ наблюдателей, и я, еще до боя 17 октября, стремился восполнить этотъ пробѣлъ семафорной сигнализаціей генерала Холодовскаго, о чемъ подробно говорилъ раньше. Забота моя о пріобрѣтеніи телефоновъ, надѣюсь, мною доказана и упрекъ, который дѣлаетъ мнѣ авторъ за отсутствіе телефоновъ въ дивизионѣ, является неосновательнымъ. Характерны со стороны автора нападки на меня, а не на батарейныхъ командировъ, которые, являясь въ хозяйственномъ отношеніи самостоятельными и располагая достаточными суммами, могли бы и по собственной инициативѣ пріобрѣсти телефоны и все необходимое для управленія огнемъ своихъ батарей; на такую инициа-

тиву батарейные командиры не были способны и все валили на голову командира дивизиона. Командиръ-же дивизиона обо всемъ думалъ и обо всемъ заботился, о чемъ свидѣлствуютъ мои отчеты о боевыхъ дѣйствіяхъ дивизиона, въ одномъ изъ которыхъ я подробно писалъ о всѣхъ выводахъ, сдѣланныхъ мною послѣ боя 17-го октября. Тамъ я писалъ объ отсутствіи на мѣстности подъ Мукденомъ хорошихъ наблюдательныхъ пунктовъ, о необходимости имѣть вышки, о мѣрахъ, принятыхъ мною, для устройства вышекъ, объ отсутствіи телефоновъ, о попыткѣ замѣнить телефоны сигнализацией системы генерала Холодовскаго, о целлулоидномъ угломѣрѣ и необходимости установленія подвижного и передового наблюденія за разрывами нашихъ снарядовъ нашими развѣдчиками, находящимися въ передовыхъ частяхъ кавалеріи. На все это было мною обращено вниманіе не только послѣ боя 17 октября, а еще раньше, но до 17 октября батареи не могли приступить къ занятіямъ, такъ какъ послѣ высадки и сосредоточенія подъ Мукденомъ 5—7 октября нѣкоторое время блуждали въ 5-мъ и 6-мъ Сибирскихъ корпусахъ и, наконецъ, вмѣстѣ съ 4-й Донской дивизіей попали въ вѣдѣніе коннаго отряда генерала Грекова и окончательно остановились въ д. Тачъжуанхэ, гдѣ и устраивались до 17 октября. Послѣ 17 октября батареи получили возможность приступить къ усиленнымъ занятіямъ, которыя велись не только въ паркѣ, но и въ полѣ, гдѣ производились конныя ученія и проѣздки и все это дѣлалось по инициативѣ командира дивизиона, о чемъ свидѣлствуютъ приказы и приказанія по дивизиону.

Слѣдующій бой, въ которомъ принималъ участіе дивизионъ, разыгрался 25 октября 1904 года. Дѣйствія дивизиона въ этомъ бою описаны г. Ростовцевымъ въ общемъ довольно правильно, но и тутъ сдѣланы имъ кое-какія переделки. Прежде всего я долженъ сказать, что планъ этого дѣла изображенъ г. Ростовцевымъ на страницѣ 86 не вѣрно

и не сходится съ глазомѣрной съемкой генеральнаго штаба капитана Пѣвнева, исполненной 25 октября 1904 г. и изображенной на страницѣ 74. Этотъ послѣдній планъ является болѣе правильнымъ. Ошибки на планѣ, изображенномъ на страницѣ 86, допущены авторомъ не безъ задней мысли. По послѣднему плану дивизионъ, стоявшій на позиціи между деревнями Чансыпу и Чандулинза, имѣлъ плохой обстрѣлъ и не могъ стрѣлять по д. Гуцзяцы, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности дивизионъ имѣлъ хорошій обстрѣлъ по всѣмъ направленіямъ и въ томъ числѣ по направленію на д. Гуцзяцы.

Секретъ этого заключается въ томъ, что г. Ростовцевъ изобразилъ деревни Чансыпу и Чандулинза значительно южнѣе, чѣмъ онѣ находились въ дѣйствительности. Если эти деревни отодвинуть къ сѣверу, то получится хорошій обстрѣлъ для дивизиона, а это не входило въ планы г. Ростовцева, кромѣ того при переѣздѣ дивизиона на вторую позицію, позиція эта окажется далеко не такъ близко къ дер. Паусентунъ, отчего направленіе выстрѣловъ будетъ проходить не мимо д. Бейтайцзы, а черезъ д. д. Гуцзяцы и Бейтайцзы, т. е. д. Гуцзяцы будетъ закрывать д. Бейтайцзы. Это обстоятельство имѣетъ большое значеніе въ описаніи дѣйствій дивизиона, о чемъ мною будетъ указано ниже. Позиція, выбранная мною между д. д. Чансыпу и Чандулинза, была хорошо закрыта и имѣла готовые ровики для прислуги, обстрѣлъ былъ достаточный по всѣмъ направленіямъ, недостатка въ наблюдательныхъ пунктахъ не было. Наблюдательный пунктъ для командира 3-й Донской батареи и командира дивизиона былъ выбранъ у западной окраины д. Чандулинза у кумирни. Не желая обнаружить позицію дивизиона, я выдѣлилъ восточнѣе д. Чандулинза затравочный взводъ отъ 3-й Донской батареи подъ командой Подъессаула Крюкова, которому приказалъ пристрѣляться по д. д. Паусентунъ и Гуцзяцы и прислать мнѣ вилки. Подъессаулъ

Крюковъ исполнилъ только первую половину задачи. Это произошло оттого, что генераль Телешевъ забралъ этотъ взводъ въ свое вѣдѣніе и тѣмъ лишилъ меня возможности использовать затравочный взводъ. Г. Ростовцевъ, подводя итоги выпущеннымъ снарядамъ взводомъ и дивизиономъ, находить, что Подъессауль Крюковъ, выпустивши всего 30 патроновъ, а дивизионъ 160 патроновъ, сдѣлалъ больше дивизиона. Я очень радъ за Подъессаула Крюкова, извѣстнаго мнѣ, какъ выдающагося офицера и отлично знающаго стрѣльбу, что онъ получилъ одобреніе г. Ростовцева, но я полагаю, что онъ сдѣлалъ-бы значительно больше, если-бы оставался въ моемъ распоряженіи, тогда онъ вѣроятно вполне выполнилъ-бы возложенную на него задачу и дивизиону, вѣроятно, не пришлось-бы открывать огня.

Ясно изъ сказаннаго, что г. Ростовцевъ не отдаетъ себѣ отчета въ роли затравочнаго взвода, такое-же непониманіе значенія затравочнаго взвода проявилъ командующій дивизіей генераль Телешевъ. Для меня ясно было, что генераль Телешевъ не былъ ознакомленъ съ тактикой скорострѣльной артиллеріи; мнѣ хотѣлось ознакомить его съ этой тактикой. Съ этой цѣлью я просилъ его собрать кавалерійскихъ начальниковъ съ тѣмъ, что-бы сдѣлать имъ сообщеніе о скорострѣльной артиллеріи въ надеждѣ, что командующій дивизіей заинтересуется этимъ сообщеніемъ и выслушаетъ его. Попутно на этомъ сообщеніи я предполагалъ поднять вопросъ о связи между артиллеріей и кавалеріей и о мѣрахъ ея осуществленія и другіе общіе вопросы. Но генераль Телешевъ, видимо, не интересовался артиллеріей и систематически уклонялся отъ сообщенія. Въ результатѣ командующій дивизіей не умѣлъ использовать артиллерію и иногда отдавалъ ей невыполнимыя приказанія. Г. Ростовцевъ, не отдавая себѣ отчета въ неправильныхъ дѣйствіяхъ генерала Телешева относительно артиллеріи, всѣ неудачи послѣдней, вытекающія изъ неправильныхъ дѣйствій командующаго ди-

визіей, валить на голову командира дивизіона, тогда какъ въ этихъ неудачахъ виновать генераль Телешевъ. Самъ г. Ростовцевъ мало ознакомленъ со скорострѣльной артиллеріей и ея тактикой и думаетъ, что командиръ дивизіона самолично ведетъ пристрѣлку съ дивизіономъ и не подозреваетъ, что пристрѣлку ведутъ батарейные командиры, командиръ-же дивизіона указываетъ цѣли батарейнымъ командирамъ и направляетъ огонь батарей, соединяя и раздѣляя огонь дивизіона, другими словами управляетъ огнемъ артиллеріи въ тактическомъ отношеніи и только въ рѣдкихъ случаяхъ ведетъ пристрѣлку батарей самолично. Разумѣется, командиръ дивизіона слѣдитъ за правильной пристрѣлкой батарейныхъ командировъ и помогаетъ имъ въ томъ случаѣ, когда замѣтитъ грубыя ошибки. Между тѣмъ, г. Ростовцевъ пишетъ, что въ бою 25 октября командиръ дивизіона лично велъ пристрѣлку. Это невѣрно. Пристрѣлку велъ командиръ 3-й батареи. Но такъ какъ Полковникъ Евсигнѣевъ велъ эту пристрѣлку неумѣло, то командиръ дивизіона долженъ былъ помогать ему. Въ самомъ началѣ при стрѣльбѣ по д. Гуцяцзы командиръ 3-й батареи удлиннилъ дистанціонную трубку и зарылъ нѣсколько очередей шрапнелей. Между тѣмъ, правилами стрѣльбы требовалось начинать стрѣльбу съ установкой трубокъ на нормальные разрывы, въ данномъ-же случаѣ мѣстность была хотя и ровная, но покрытая группами деревьевъ, которыя не давали хорошихъ наблюденій, а потому слѣдовало не удлинять, а значительно укорачивать дистанціонную трубку, чтобы получить воздушные разрывы, что дало-бы возможность судить о направленіи и вѣрѣ. Такія грубыя ошибки командира 3-й батареи не только давали мнѣ право, но даже обязывали меня вмѣшаться въ пристрѣлку и придти на помощь командиру батареи. Подобное вмѣшательство командира дивизіона вполне понятно и не можетъ вызывать никакихъ нареканій, такъ какъ въ бою начальники должны помогать другъ другу, имѣя въ виду

достиженіе общаго успѣха. Между тѣмъ, подобныя жалобы со стороны батарейныхъ командировъ и г.г. офицеровъ, очевидно, были, если г. Ростовцевъ пишетъ, что 25 октября стрѣльбу велъ самъ командиръ дивизіона. Что касается до переѣзда дивизіона на вторую позицію, то приведу подлинное приказаніе, полученное мною отъ командующаго дивизіей, написанное авторомъ на страницѣ 87: *„Получивъ эту записку, генераль Телешевъ, въ 12 час. 15 мин. дня, приказываетъ командиру артиллерійскаго дивизіона черезъ ординарца хорунжаго Секретева прекратить огонь по Паусентунъ, а дивизіонъ передвинуть на новую позицію къ югу отъ д. Чандулинза, правѣе и впереди елокъ, указанныхъ Секретевымъ, и открыть огонь по д. Бейтайцзы въ то время, когда по ней открываетъ огонь 11-я конная батарея, состоящая въ отрядѣ генерала Грекова; донцамъ стрѣлять по направленію разрывовъ снарядовъ 11-й батареи до тѣхъ поръ, пока она будетъ продолжать стрѣльбу“*. Получивъ такое странное приказаніе, я просилъ хорунжаго Секретева указать мнѣ, гдѣ находится д. Бейтайцзы, такъ какъ объ этой деревнѣ я ничего не зналъ, на картахъ, которыя имѣлись въ распоряженіи дивизіона, такой деревни не значилось. Хорунжій Секретевъ объявилъ мнѣ, что онъ не знаетъ, гдѣ находится д. Бейтайцзы, и что онъ ни отъ командующаго дивизіей, ни отъ начальника штаба не получилъ никакихъ указаній объ этой деревнѣ. Согласитесь, что это очень странно. Генералу Телешеву и его начальнику штаба надлежало знать, гдѣ находится д. Бейтайцзы, такъ какъ по ихъ распоряженію капитаномъ Пѣвневымъ была произведена глазомѣрная съемка той мѣстности, на которой Донской дивизіи приходилось дѣйствовать. Вынужденный въ послѣдствіи произвести тщательную рекогносцировку съ батарейными командирами и развѣдчиками, я не могъ розыскать этой деревни, такъ какъ никто изъ встрѣченныхъ въ передовыхъ

частяхъ Донской дивизіи офицеровъ и нижнихъ чиповъ не знали о существованіи и мѣстопахожденіи дер. Бейтайцзы. Каждому артиллеристу понятно, что нельзя стрѣлять по цѣли, которую не видишь. Изъ сказаннаго ясно, каково было трагическое положеніе, въ которомъ очутился командиръ дивизіона, получивши приказаніе стрѣлять по мионической деревнѣ, о которой никто не имѣлъ никакого представленія. Отказаться отъ исполненія отданнаго приказанія было невозможно, такъ какъ дѣло шло о поддержкѣ боевыхъ товарищей Оренбуржцевъ. Оставалось сдѣлать попытку пристрѣлки по направленію разрывовъ 11-й конной батареи. Послѣ переезда на вторую позицію, когда дивизионъ, сдѣлавшій заѣздъ лѣвымъ плечомъ, остановился на позиціи фронтомъ на юго-западъ, были замѣчены разрывы шрапнелей 11-й конной батареи у сѣверо-восточной окраины д. Гуцзяцзы, правѣ этой деревни. Въ этомъ направленіи 3-й батареей была выпущена одна очередь. Г. Ростовцевъ пишетъ: „направленіе было взято неудачно, стрѣляли по деревнѣ Гуцзяцзы, а не по Бейтайцзы„. Съ этимъ не могу согласиться, г. Ростовцевъ упускаетъ изъ виду, что стрѣляющіе не знали, гдѣ находится д. Бейтайцзы, 3-я батарея стрѣляла по направленію разрывовъ шрапнелей 11-й конной батареи, согласно приказанія командующаго дивизіей и это направленіе было взято вѣрно. Но такъ какъ шрапнели рвутся на опредѣленной дистанціи передъ цѣлью, то цѣль, по которой стрѣляла 11-я конная батарея, очевидно, находилась лѣвѣ видимыхъ разрывовъ на интервалѣ разрыва, каковой примѣрно былъ опредѣленъ мною около 100 сажень, что по угломѣру соответствовало 5-ти дѣленіямъ, въ виду чего мною и было приказано командиру 3-й батареи взять на пять дѣленій лѣвѣ. Если послѣ этого выстрѣлы стали попадать въ д. Гуцзяцзы, то за это стрѣляющіе не могли нести никакой отвѣтственности, такъ какъ пристрѣлка велась совершенно согласно отданному прика-

занію. Если получились неудачные результаты, то это подтвердило только неудачную редакцію отданнаго приказанія командующимъ дивизіей: „стрѣлять по *направленію разрывовъ* 11-й конной батареи“. Съ заключеніемъ автора о нерѣшительныхъ дѣйствіяхъ генераловъ Грекова и Телешева въ дѣлѣ 25-го октября 1904 года нельзя не согласиться. Что же касается до упрековъ автора по адресу артиллерійскаго дивизіона, то упреки эти несправедливы. Приведу подлинныя слова автора, сказанныя имъ на 88 страницѣ: „Обращаетъ на себя вниманіе *дѣятельность артиллеріи. Ея дѣйствія по прежнему не связаны съ дѣйствіями кавалеріи: на этотъ разъ этой разрозненности въ работѣ обоихъ родовъ войскъ принесена жертва въ видѣ двухъ Оренбургскихъ казаковъ. Смѣшно подумать, что-бы Донской дивизіонъ прибылъ на войну безъ телефона и не позаботился объ организаціи связи съ казаками какимъ либо другимъ способомъ. Въ этомъ вина командира дивизіона*“. Изъ предыдущихъ моихъ объясненій и отчетовъ о боевыхъ дѣйствіяхъ 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизіона видно, что командиръ дивизіона нисколько не виноватъ, что въ дивизіонѣ не было телефоновъ. По поводу телефоновъ я долженъ спросить г. Ростовцева, понимаетъ ли онъ назначеніе телефоновъ въ артиллеріи. Мнѣ кажется, онъ думаетъ, что телефоны въ конной артиллеріи существуютъ для связи артиллеріи съ кавалеріей. Нѣтъ, г. Ростовцевъ, это не вѣрно. Телефоны въ конно-артиллерійскомъ дивизіонѣ нужны для связи наблюдательныхъ пунктовъ батарейныхъ командировъ съ батареями, для связи наблюдательнаго пункта командира дивизіона съ наблюдательными пунктами батарейныхъ командировъ и для связи боковыхъ наблюдателей съ наблюдательными пунктами батарейныхъ командировъ, при чемъ боковые наблюдатели выбираютъ себѣ наблюдательные пункты въ разстояніи около версты впереди и въ сторонѣ отъ наблюдательныхъ пунктовъ батарей-

ныхъ командировъ. Для связи же артиллеріи съ кавалеріей телефоны не употребляются, даже для связи съ начальникомъ дивизіи они почти не употребляются, ибо начальникъ кавалерійской дивизіи не можетъ въ бою долгое время оставаться на одномъ мѣстѣ, а потому связь конной артиллеріи съ начальникомъ кавалерійской дивизіи поддерживается при помощи ординарцевъ. Такимъ способомъ связь артиллерійскаго дивизіона мною всегда поддерживалась съ командующимъ дивизіей; такимъ же образомъ послѣдній поддерживалъ связь съ артиллерійскимъ дивизіономъ и эта взаимная связь всегда поддерживалась вполне исправно.

Что касается до связи конной артиллеріи съ кавалеріей, то связь здѣсь должна быть обоюдная. Связь конной артиллеріи съ кавалеріей поддерживается особыми *наблюдателями за полемъ*, которые съ позиціи наблюдаютъ въ бинокли за полемъ сраженія и немедленно докладываютъ командиру дивизіона и батарейнымъ командирамъ обо всемъ, что происходитъ впереди. Разумѣется, наблюдатели за полемъ, находясь далеко назади относительно передовыхъ частей, не всегда могутъ разсмотрѣть цѣли и отличить своихъ отъ непріятеля, послѣдствіемъ чего и бываютъ жертвы въ рядахъ своихъ передовыхъ войскъ отъ нашего артиллерійскаго огня. Въ виду этого кавалерія должна съ своей стороны дѣятельно поддерживать связь къ конной артиллеріей. Упрекъ г. Ростовцева по адресу командира дивизіона о томъ, что въ бою 25 октября артиллерійскій дивизіонъ не сумѣлъ поддержать связь съ кавалеріей, совершенно неоснователенъ. Артиллерійскій дивизіонъ эту связь поддерживалъ, не смотря на то, что въ дивизіонѣ не было телефоновъ. Плохо поддерживала связь съ артиллерійскимъ дивизіономъ кавалерія, такъ какъ всѣ свѣдѣнія отъ кавалеріи приходили на артиллерійскую позицію съ большимъ опозданіемъ и, разумѣется, несвоевременно. Плохой постановкой дѣла связи Донскіе полки обязаны командующему дивизіей генералу

Телешеву, человѣку безпечному и нераспорядительному, послѣдствіемъ чего въ бояхъ и особенно въ бою 25 октября многія сотни не знали, гдѣ расположенъ на позиціи артиллерійскій дивизіонъ и куда онъ будетъ стрѣлять. Неосвѣдомленныя о дѣйствіяхъ своей артиллеріи сотни вступали въ деревни, по которымъ артиллерія открывала огонь, или, не увѣдомивши артиллерію о предполагаемой атакѣ, вступали въ деревню. Не уяснивши себѣ связь между артиллеріей и кавалеріей, г. Ростовцевъ все валить на голову командира дивизіона и не замѣчаетъ, что въ этомъ дѣлѣ виновата кавалерія. Въ бою 25 октября былъ моментъ, когда передъ открытіемъ огня 3-й батареей съ первой позиціи на нашу артиллерійскую позицію неожиданно наткнулась одна наша сотня, которая, двигаясь со стороны противника, чуть было не попала подъ огонь своей артиллеріи. Смущеніе сотни, вышедшей прямо на свою артиллерію, было велико и она въ первый моментъ не знала, куда ей дѣваться и въ концѣ концовъ двинулась къ нашему правому флангу. Мы были на волосъ отъ страшной катастрофы, за которую пришлось бы всѣмъ отвѣчать. Кто же былъ виноватъ въ этой ошибкѣ? Неужели командиръ дивизіона былъ виноватъ, что выбралъ хорошо закрытую позицію, которую даже своя кавалерія не могла замѣтить?

Въ описаніи дѣйствій коннаго отряда и особенно артиллеріи въ поискѣ 2 ноября 1904 года г. Ростовцевъ также сильно передерживаетъ. По этому поводу приведу подлинныя слова автора о дѣйствіи артиллеріи на страницѣ 106: *„Дѣло 2 ноября въ сущности артиллерійское дѣло, сотни Донцовъ принимали второстепенное участіе въ бою. Дѣйствія артиллеріи увѣнчались значительнымъ успѣхомъ; прогрессъ со времени 17 и 25 октября въ артиллерійской работѣ несомнѣненъ. Можетъ быть, благоприятный результатъ дѣйствія батарей объясняется тѣмъ, что онѣ работали самостоятельно,*

огонь велся командирами батарей и однимъ старшимъ офицеромъ безъ вмѣшательства командира дивизіона полковника Кузнецова. Въ нашей арміи въ Маньчжуріи это явленіе обыденное: чѣмъ младше руководитель, тѣмъ болѣе обезпеченъ успѣхъ. Такому положенію вещей содѣйствовали общія условія прохожденія службы нашими офицерами, при которыхъ въ дамки легче пробраться угодливому, чѣмъ знающему и самостоятельному“.

Наконецъ—то г. Ростовцевъ находитъ успѣхъ въ работѣ артиллеріи. Этому успѣху я готовъ радоваться, но, къ сожалѣнію, я по чистой совѣсти не могу признать большого успѣха въ дѣйствіяхъ батарей Донского дивизіона, дѣйствовавшего побатарейно. Въ чемъ именно выразился этотъ успѣхъ? въ успѣшной стрѣльбѣ, давшей реальные результаты? Какіе именно? Строго говоря, артиллерійская стрѣльба 2 ноября не дала никакихъ результатовъ. 11-я конная и 2 Донская батареи стрѣляли по деревнямъ, слабо занятымъ японцами, а быть можетъ и незанятымъ ими, такъ такъ японцы на нашъ огонь не отвѣчали, съ японской артиллеріей эти батареи не имѣли дѣла. Стрѣльба производилась на ближнихъ дистанціяхъ, снаряды попадали въ деревни и даже ихъ зажигали, но это еще не доказываетъ, что стрѣльба была успѣшна, стрѣльба по большимъ цѣлямъ, какъ деревни, съ ближнихъ дистанцій очень легка и подъ силу всякому фейерверкеру, а не только офицеру, а тѣмъ болѣе командиру. По такимъ цѣлямъ и слѣпой можетъ попасть. Г. Ростовцевъ ссылается, что командиръ 2-й Донской батареи за свою стрѣльбу 2-го ноября получилъ благодарность отъ Начальника коннаго отряда генерала Грекова. Такое доказательство мало убѣдительно. Генераль Грековъ, какъ кавалеристъ, не знатокъ артиллерійской стрѣльбы и ему понравился грохотъ орудій и зарево пожаровъ оставленныхъ японцами деревень. Вотъ если бы командиръ 2-й Донской

батареи получилъ благодарность отъ генераль-адъютанта Мищенко, опытнаго артиллериста, то можно было бы преклониться передъ такимъ приговоромъ. Напрасно авторъ приводитъ случай стрѣльбы, въ которомъ Войсковой Старшина Тараринъ съ успѣхомъ примѣнилъ обстрѣливаніе противника *шкалой*. Способъ этотъ устарѣлый, практиковавшійся при старой нескорострѣльной артиллеріи, въ скорострѣльной же артиллеріи этотъ способъ давно брошенъ и замѣненъ обстрѣливаніемъ площадей батарейными очередями скачками въ 3 или 5 дѣлений и такая стрѣльба даетъ значительно большіе результаты, чѣмъ стрѣльба *шкалой*. Изъ приведеннаго случая видно, что Войсковой Старшина Тараринъ мало усвоилъ правила стрѣльбы изъ скорострѣльных орудій и придерживался устарѣлыхъ способовъ стрѣльбы. Но, можетъ быть, Войсковой Старшина Тараринъ показалъ себя въ тактическомъ отношеніи, удачно и быстро выбралъ позицію и хорошо ее занялъ. Къ сожалѣнію, и съ этой стороны Войсковой Старшина Тараринъ похвалиться не можетъ, такъ какъ позицію для его батареи выбралъ и указалъ начальникъ штаба коннаго отряда экстрординарный профессоръ Полковникъ Баскаковъ. Командиру 2-й Донской батареи оставалось только занять ее; это дѣло нетрудное, но и оно было выполнено не совсѣмъ гладко, передки отъѣхали за флангъ и стали фронтомъ не вполнѣ правильно и довольно кучно, такъ что пришлось ихъ приводить въ порядокъ командиру дивизіона. Пока Войсковой Старшина Тараринъ обстрѣливалъ пустыя деревни, все шло гладко, но когда 25 Донской полкъ сдѣлалъ попытку занять д. Тиньзяньтунъ, то японская батарея, расположенная у д. Лидіутунъ, нѣсколькими выстрѣлами выбила его изъ д. Тиньзяньтунъ. 2 Донская батарея долго стрѣляла мимо д. Тиньзяньтунъ, но не могла направить свои выстрѣлы по японской батарее у д. Лидіутунъ и не могла поддержать 25 Донской полкъ. Въ то-же время генераль

Столповъ съ 3-й Донской батареей дѣйствовали на лѣвомъ флангѣ противъ д. д. Фуцзячжуаньцзы и Лидіутунь вяло и нерѣшительно и не могъ поддержать 25 полкъ при попыткахъ его проникнуть въ д. Тинзянтунь, причемъ стрѣльба 3 Донской батареи подъ командой Полковника Евсигнѣва не имѣла успѣха противъ японской батареи у д. Лидіутунь, которая все время мѣшала 25-му Донскому полку занять д. Тинзянтунь.

Поискъ 2 ноября, по моему мнѣнію, окончился ничѣмъ, никакихъ сколько нибудь реальныхъ успѣховъ не было, ни одной крупной части не удалось прорваться въ расположеніе японцевъ и добыть тамъ цѣнныя свѣдѣнія о противникѣ; только отдѣльнымъ лицамъ удалось нѣсколько продвинуться къ японцамъ, но ихъ развѣдки не дали намъ ничего цѣннаго. Неудача эта произошла оттого, что задача поиска была поставлена неясно. Генераль Косоговскій, дѣйствуя на правомъ берегу р. Хунхэ, задумалъ взорвать мостъ на этой рѣчкѣ (странное желаніе, вѣдь начиналась зима и черезъ р. Хунхэ можно было переходить по льду) и для успѣха своего предпріятія просилъ конный отрядъ генерала Грекова поддержать его своей демонстраціей на лѣвомъ берегу р. Хунхэ. Для выполненія демонстраціи, по моему мнѣнію, конному отряду генерала Грекова слѣдовало-бы атаковать японцевъ либо у Сандепу, либо у д. Лидіутунь, которыя представляли опорные пункты на лѣвомъ флангѣ ихъ расположенія. Рекогносцировка эта имѣла-бы большой смыслъ и выяснила-бы силу этихъ опорныхъ пунктовъ для дальнѣйшихъ наступательныхъ дѣйствій 2 Маньчжурской арміи. Съ этой цѣлью отнюдь не слѣдовало разбрасывать артиллерию и весь отрядъ по всему большому фронту между р. Хунхэ и д. Фуцзячжуаньцзы, напротивъ, слѣдовало-бы весь конный отрядъ съ артиллеріей собрать въ кулакъ и направить его противъ одного какого нибудь опорнаго пункта и въ случаѣ успѣха обрушиться и на другой опорный пунктъ.

Тогда артиллерія наша, дѣйствуя сосредоточенно, могла-бы имѣть успѣхъ, и конный отрядъ въ числѣ 5-ти полковъ могъ-бы съ большимъ успѣхомъ повести атаку японцевъ на одинъ изъ опорныхъ пунктовъ. Въ результатѣ стрѣльба артиллеріи въ бою 2 ноября не напоминала-бы стрѣльбу по воробьямъ, а полки коннаго отряда не глазѣли-бы на эту бесполезную и вредную стрѣльбу и быть можетъ поработали-бы на общую пользу.

Но, къ сожалѣнію, мы не умѣли дѣйствовать сосредоточенно и все время разбрасывались. Дивизіи, бригады, полки и конно-артиллерійскіе дивизіоны постоянно разбивались на свои составныя части и дѣйствовали разрозненно, отчего сильно страдала спайка отдѣльных и особенно крупныхъ частей. Только въ конномъ отрядѣ генераловъ Мищенко и Ренненкампа кавалерія работала въ составѣ крупныхъ отдѣльных частей, но и здѣсь конная артиллерія была разбита по—батареино, причемъ батареи сводились во временныя дивизіоны подъ командой временныхъ командировъ дивизіоновъ. Не думаю, что-бы подобная перетасовка способствовала успѣху дѣйствій конной артиллеріи. По крайней мѣрѣ, бывший начальникъ штаба коннаго отряда генераль-адъютанта Мищенко Полковникъ князь Вадбольскій былъ недоволенъ временнымъ дивизіонеромъ командиромъ 3-й Донской батареи Полковникомъ Евсигнѣевымъ и называлъ его устарѣвшимъ командиромъ. Къ счастью, Полковникъ Евсигнѣевъ въ конномъ отрядѣ генераль-адъютанта Мищенко не командовалъ 3-й Донской батареей и послѣдняя подъ командой превосходнаго старшаго офицера Ессаула Балабина, имѣя отличный составъ офицеровъ, выполняла свои задачи подъ Сандену довольно успѣшно. Такимъ образомъ, выяснилось, что 3-й Донской батареѣ съ ея отличнымъ личнымъ составомъ не хватало соотвѣтствующаго батарейнаго командира.

Что касается до 2 Донской батареи, то, выдѣленная изъ 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизіона, она все время ра-

ботала неудачно подъ командой своего командира Войскового Старшины Тарарина, столь прославленнаго г. Ростовцевымъ. Протеже историка 4-й Донской дивизіи не оправдалъ возложеннаго на него довѣрія. Напрасно г. Ростовцевъ на страницѣ 262 росписываетъ стрѣльбу 2 Донской батареи у д. Сантайцзы по непріятельскому окопу и непріятельскому эскадрону. Стрѣльба эта Войсковымъ Старшиной Тараринымъ велась крайне неудачно. Командиръ батареи долго не могъ взять правильное направленіе и стрѣлялъ, можно сказать, по воробьямъ, выпустивши 126 патроновъ, тогда какъ можно было ограничиться 3—5 очередями. Войсковой Старшина Тараринъ на своихъ передкахъ имѣлъ лишнихъ около 120 патроновъ сверхъ боевого комплекта. Эти лишніе патроны, составляя лишній грузъ, тяготили командира батареи и онъ старался отъ нихъ отдѣлаться, выпуская ихъ безъ всякой пользы. Кстати отмѣчу ошибку автора въ изложеніи дѣла 22 января 1905 года. Авторъ на 262 страницѣ пишетъ, что д. Сантайцзы была взята съ бою. Это невѣрно. Деревня Сантайцзы была занята безъ боя. 2 Донская батарея стрѣляла не по д. Сантайцзы, а по окопу, находящемуся восточнѣе д. Читайцзы, которая находилась южнѣе д. Сантайцзы на р. Хунхэ, при чемъ 2 Донская батарея вызывалась на позицію у западной окраины д. Сантайцзы. Рекогносцировка при д. Сантайцзы окончилась неудачно. Генераль Стояновъ дѣйствовалъ вяло и нерѣшительно и задачу свою не исполнилъ.

Послѣдній разъ 2 Донская батарея принимала участіе въ боевыхъ столкновеніяхъ съ японцами 8 іюня 1905 года въ бою на передовыхъ позиціяхъ 3 Сибирскаго Корпуса у д. Менхуагай, на Мандаринской дорогѣ. На страницѣ 392 и 393 авторъ подробно описываетъ дѣйствія 2 Донской батареи подъ командой Войскового Старшины Тарарина. Изъ этого описанія получается впечатлѣніе, что 2 Донская батарея въ этомъ бою работала недурно и даже порядочно, и Войсковой Старшина Тараринъ проявилъ и распорядитель-

ность, и даже находчивость. Видимо, авторъ писалъ эти страницы по реляціи Войскового Старшины Тарарина. Реляція эта написана гладко, но дѣло происходило далеко негладко. Введенный въ заблужденіе этой реляціей и невѣрнымъ докладомъ Войскового Старшины Тарарина, я въ свое время въ отчетѣ о боевыхъ дѣйствіяхъ 3 Донского артиллерійскаго дивизиона также росписывалъ участіе 2 Донской батареи въ бою подъ Менхуагаемъ въ довольно розовомъ свѣтѣ и заступался за Войскового Старшину Тарарина. Въ мартѣ мѣсяцѣ 1906 года на ст. Шаученпу, во время прощальнаго обѣда у генераль-адъютанта Куропаткина, покидавшего въ то время армію, я встрѣтилъ Полковника Одешелидзе, бывшаго начальника отряда въ бою подъ Менхуагаемъ, отъ котораго узналъ о крайне неудачныхъ дѣйствіяхъ 2 Донской батареи и о полной растерянности командира этой батареи Войскового Старшины Тарарина. Этотъ послѣдній, занявши первую закрытую позицію, вновь переѣхалъ на вторую позицію въ 200—300 саженьяхъ впереди первой, вопреки приказанію начальника отряда. Полковникъ Одешелидзе самъ выѣхалъ на рекогносцировку и вызвалъ къ себѣ Войскового Старшину Тарарина, но батарею не вызывалъ. Ничѣмъ неоправдываемый переѣздъ 2 Донской батареи на вторую позицію по открытой мѣстности чуть было не погубилъ батарею. Только своевременное и энергичное вмѣшательство бывшаго командира 3-го Сибирскаго корпуса генераль-адъютанта Иванова спасло 2-ю Донскую батарею отъ неминуемой катастрофы. Въ этомъ бою В. С. Тараринъ проявилъ неповоротливость и полную растерянность и не могъ пристрѣляться къ японскимъ батареямъ, часто зѣвалъ и упускалъ важныя цѣли и особенно выѣздъ японской батареи на позицію. 2 Донская батарея въ этомъ бою не только пользы не принесла для своей пѣхоты и кавалеріи, но составила для нихъ обузу. Приходилось думать о спасеніи ея. Только наступившія сумерки дали возможность благополучно отступить батареѣ. г. Ростовцевъ,

описывая участіе 2 Донской батареи въ бою подъ Менхугаеми, зналъ правду объ этомъ дѣлѣ, такъ какъ неблагопріятныя слухи объ немъ ходили по всей 1-й арміи и за это дѣло у Войскового Старшины Тарарина чуть было не отняли батарею.

Послѣ всего мною сказаннаго о дѣйствіяхъ батарейныхъ командировъ 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизіона, работавшихъ самостоятельно, предоставляю читателямъ судить о томъ, насколько батарейные командиры были на высотѣ своего положенія.

Что касается до обвиненій меня, какъ командира 3 Донскаго артиллерійскаго дивизіона, въ недостаткѣ самостоятельности, опытности и слабости характера, доходящей до угодливости начальству, въ чемъ г. Ростовцевъ упрекаетъ меня на страницѣ 106 своей исторіи, то не стану оправдываться въ взведенныхъ на меня обвиненіяхъ чисто голословныхъ и ни на чемъ неоснованныхъ. Предоставляю объ этомъ судить моимъ прямымъ начальникамъ, которые, несомнѣнно, лучше знаютъ меня, чѣмъ г. Ростовцевъ, видѣвшій меня только мелькомъ и никогда неимѣвшій со мной никакого дѣла. Въ доказательство предвзятости взгляда г. Ростовцева обо мнѣ, какъ командира дивизіона, могу указать на прекрасное состояніе 3 Донскаго казачьяго артиллерійскаго дивизіона, въ которомъ я въ 1910-мъ году сдалъ дивизионъ новому командиру дивизіона Полковнику Чеботареву и на приказъ главнаго руководителя интендантскаго опыта Генерала отъ-инфантеріи Водара, изданномъ въ 1909-мъ году, въ которомъ хозяйство 3-го Донскаго артиллерійскаго дивизіона было найдено въ блестящемъ состояніи! Въ строевомъ отношеніи и по стрѣльбѣ 3-й Донской артиллерійскій дивизионъ въ мое командованіе дивизиономъ также имѣлъ большой успѣхъ и считался въ Донской артиллеріи лучшимъ дивизиономъ. Надо полагать, что неопытный и несвѣдующій командиръ дивизіона едва-ли бы могъ поставить такъ высоко свой

дивизионъ. Такой успѣхъ въ 3-мъ Донскомъ артиллерійскомъ дивизионѣ явился результатомъ многолѣтней и плодотворной дѣятельности всѣхъ чиновъ дивизиона, работавшихъ подъ руководствомъ командира дивизиона, который былъ первымъ работникомъ въ дивизионѣ и не жалѣлъ своихъ силъ на службѣ для общей пользы. Фундаментъ для достигнутаго успѣха командиромъ дивизиона былъ положенъ еще во время Русско-Японской войны. Въ то время дивизионъ накопилъ значительныя экономическія суммы, на которыя послѣ войны прекрасно устроился въ Чугуевѣ. Объ увеличеніи экономическихъ суммъ я особенно настаивалъ. Требованіе это не всегда находило сочувствіе со стороны команднаго состава и командиру дивизиона стоило большихъ усилій и огорченій добиться намѣченной цѣли. Не смотря на оппозицію со стороны команднаго состава и особенно со стороны 2-й Донской батареи и ея командира Войскового Старшины Тарарина, мнѣ удалось довести экономическія суммы батарей дивизиона къ 1-му сентябрю 1905 года до слѣдующихъ размѣровъ:

во 2-й батарее:	въ 3-й батарее:
1. Запаснаго эконом. капитала . . . 3,000 р. — 2. Эконом. хозяйств. суммъ 33,078 р. 36 к. 3. Эконом. артельн. суммъ 2,748 р. 12 к. 4. Офицерскаго заем- наго капитала около 1,000 р. —	1. Запаснаго эконом. капитала . . . 3,000 р. — 2. Эконом. хозяйств. суммъ 36,321 р. 80 к. 3. Эконом. артельн. суммъ 3,717 р. 22 к. 4. Офицерскаго заем- наго капитала около 1,000 р. —
Итого около. 39,826 р. 48 к.	Итого около. 44,039 р. 02 к.

А всего въ дивизионѣ около 83,865 р. 50 к.

Такія значительныя экономическія суммы дивизионъ накопилъ со дня прибытія въ Маньчжурію съ 5 октября 1904 года по 1 сентября 1905 года, т. е. за 11 мѣсяцевъ войны,

при этомъ при покункѣ фуража и жизненныхъ припасовъ жителямъ были уплачены всѣ деньги полностью и никакихъ жалобъ къ дивизиону со стороны китайцевъ за время войны предъявлено не было. Точно также со стороны полевого контроля за время войны къ дивизиону никакихъ обвиненій предъявлено не было.

Судебные слѣдователи въ 3-й Донской артиллерійскій дивизионъ не заглядывали, тогда какъ всѣ полки 4-й Донской дивизіи навлекли на себя подозрѣніе въ неправильномъ веденіи хозяйства и подверглись ревизіи. Обращаю вниманіе на это важное обстоятельство и считаю себя въ правѣ указать, что 3-й Донской артиллерійскій дивизионъ этимъ обязанъ, главнымъ образомъ, командиру дивизиона, который, предъявляя строгій контроль къ батареямъ, ревниво охранялъ интересы казны и батарей. Надо думать, что неопытный и несамостоятельный командиръ дивизиона, командуя дивизиономъ, не могъ бы достигнуть такихъ отличныхъ результатовъ.

Что касается до обвиненія меня авторомъ въ угодливости, то не понимаю, на чемъ именно основываются означенныя обвиненія. Предъявляя эти обвиненія, г. Ростовцевъ косвеннымъ образомъ намекаетъ, что я находился въ близкихъ отношеніяхъ къ моимъ бывшимъ начальникамъ генераламъ Телешеву и Стояннову и тѣмъ самымъ наводитъ на меня тѣнь, какъ человѣка, близко стоящаго къ людямъ, сильно себя скомпрометировавшимъ. Подобное обвиненіе нахожу настолько нелѣпымъ и дикимъ, что не считаю себя обязаннымъ въ этомъ оправдываться, а прошу г. Ростовцева привести доказательство въ подтвержденіе своего обвиненія. Не понимаю, какое обстоятельство навело г. Ростовцева на столь нелѣпое обвиненіе. Съ генералами Телешевымъ и Стояновымъ у меня не было близкихъ отношеній, послѣдній въ бытность свою командиромъ 1-й бригады даже относился ко мнѣ недружелюбно, видимо онъ былъ къмъ то настроенъ

противъ меня и только послѣ ухода изъ дивизіи генерала Телешева, генераль Стояновъ измѣнилъ свои ко мнѣ отношенія и, убѣдившись, что нападки на меня были безусловно неосновательны, оцѣнилъ меня по достоинству и сталъ относиться ко мнѣ безпристрастно. Оба командующихъ дивизіями относились ко мнѣ хорошо, цѣнили мою дѣятельность, мое корректное къ нимъ отношеніе и, зная меня какъ безусловно честнаго человѣка, предоставляли мнѣ большую свободу въ командованіи дивизіономъ, особенно въ хозяйственныхъ дѣлахъ. Съ своей стороны, я цѣнилъ такое отношеніе и довѣріе ко мнѣ со стороны моихъ прямыхъ начальниковъ и не считалъ себя въ правѣ становиться къ нимъ въ оппозицію. Такое корректное съ моей стороны отношеніе къ генераламъ Телешеву и Стоянову г. Ростовцевъ, вѣроятно, принялъ за слабость и угодливость съ моей стороны.

Думаю, что г. Ростовцевъ ошибся въ оцѣнкѣ моихъ служебныхъ и нравственныхъ достоинствъ оттого, что я работалъ и держалъ себя скромно, себя не рекламировалъ и не искалъ популярности среди офицеровъ. Эта скромная внѣшность на г. Ростовцева, очевидно, произвела неблагоприятное для меня впечатлѣніе и онъ рѣшилъ не стѣсняться съ человѣкомъ скромнымъ въ своей критикѣ, которую онъ такъ назойливо проводить въ своей исторіи. Однако, г. Ростовцевъ строгъ только со скромными людьми, съ сильными же людьми и съ своими начальниками, каковыми были генералы Телешевъ и Стояновъ, онъ очень снисходителенъ и не только не нападаетъ на нихъ съ пѣной у рта, но иногда заступаетъ за генерала Телешева, человѣка сильно себя скомпрометировавшаго, но съ большими связями, а генерала Стоянова, какъ своего прямого начальника, отъ котораго зависѣло поручить ему составленіе исторіи 4-й Донской дивизіи и предоставить въ его распоряженіе солидную сумму около пяти тысячъ рублей, г. Ростовцевъ даже прославляетъ, выставляя его хитроумнымъ Одисеемъ. Но между

Одисеемъ и генераломъ Стояновымъ существуетъ большое различіе. Первый былъ, несомнѣнно, крупнымъ человѣкомъ своего времени и являлся народнымъ героемъ, его хитроуміе было направлено на благо родины и въ этомъ отношеніи онъ являлся свѣтлымъ человѣкомъ. Тогда какъ генераль Стояновъ, являясь зауряднымъ человѣкомъ, далеко не былъ героемъ и жилъ самыми будничными интересами. Точно также г. Ростовцевъ весьма симпатично отзывался объ офицерахъ Генеральнаго штаба, состоявшихъ въ штабѣ 4-й Донской дивизіи. Очевидно, офицеры Генеральнаго штаба для г. Ростовцева свои люди. Описывая вставаніе и умываніе этихъ людей въ своей исторіи, г. Ростовцевъ увлекается, подчеркивая эту мелочь. Родная среда, конечно, для него очень дорога. Однако, г. Ростовцевъ, какъ историкъ, обязанъ относиться къ всѣмъ участникамъ войны вполне беспристрастно и долженъ былъ поинтересоваться канцелярской работой и въ другихъ частяхъ 4-й Донской дивизіи. Смѣю увѣрить г. Ростовцева, что въ управленіи 3-го Донского артиллерійскаго дивизіона кипѣла большая работа и командиръ дивизіона, который жилъ не въ комфортабельномъ баракѣ, а въ холодной, тѣсной и вонючей фанзѣ, также рано вставалъ и принимался за работу, усердно обсуждая вмѣстѣ съ батарейными командирами и завѣдывающими хозяйствами смѣты экономическихъ суммъ и составляя планъ будущаго благоустройства 3-го Донского артиллерійскаго дивизіона. Этими пустяками г. Ростовцевъ не интересовался, для него 3-й Донской артиллерійскій дивизіонъ былъ совершенно чужой и командиръ этого дивизіона его интересовалъ постольку, поскольку онъ могъ явиться для него подходящимъ матеріаломъ для критики, которую онъ ставилъ выше всего. Непонятно, какимъ образомъ г. Ростовцевъ, издавая свою исторію на казенныя деньги (хозяйственныя суммы Донскихъ полковъ и батарей), вопреки ясно выраженному желанію бывшаго военнаго министра Генерала отъ инфанте-

ріи Редигера, позволилъ себѣ изданіе исторіи 4-й Донской дивизіи съ критическимъ изложеніемъ событій и участвующихъ лицъ.

Извѣстно, что составителямъ обширной исторіи Русско-Японской войны 1904—1905 годовъ права критики не было дано. Можетъ быть, г. Ростовцевъ считаетъ свой трудъ частнымъ изданіемъ, въ такомъ случаѣ пусть онъ вернетъ Донскимъ полкамъ и батареямъ казенныя деньги въ количествѣ не менѣе четырехъ тысячъ рублей, иначе Донскіе казаки не простятъ ему ту обиду, какую онъ нанесъ всему войску Донскому своей пристрастной и тенденціозной критикой. Предпринимая оффиціальное изданіе исторіи 4-й Донской дивизіи, по моему мнѣнію, слѣдовало составленіе этой исторіи поручить комиссіи изъ участниковъ войны, а не одному лицу и притомъ неучаствовавшему въ Русско-Японской войнѣ.

Составленіе исторіи цѣлой дивизіи, это такая большая работа, которая не подъ силу одному лицу и г. Ростовцевъ съ ней не справился, допустилъ крупныя ошибки и позволилъ себѣ крайне одностороннюю, въ высшей степени пристрастную оцѣнку большинства участниковъ войны и особенно моихъ дѣйствій во время Росско-Японской войны, особенно въ бояхъ 17 и 25 октября 1904 года. Между тѣмъ, я работалъ въ это время добросовѣстно, не смотря на простуду, которую получилъ въ началѣ октября мѣсяца и отъ которой оправился только въ концѣ ноября, я, будучи больнымъ, съ трудомъ сѣлъ на коня и принялъ участіе въ бояхъ 17 и 25 октября и 2 ноября 1904 года. Другой на моемъ мѣстѣ могъ бы уклониться отъ участія въ бояхъ, но я слишкомъ высоко ставилъ долгъ службы и никогда не покидалъ своего дивизіона впредь до возвращенія въ Россію, даже во время болѣзней, которыми иногда приходилось болѣть. За такое честное отношеніе къ службѣ и преданность своему долгу, казалось, я имѣлъ право рассчитывать на справедливую оцѣн-

ку не только со стороны своихъ начальниковъ, но и со стороны историка, [на]званіе коего претендуетъ г. Ростовцевъ. Но, очевидно, чувство справедливости и безпристрастія чужды г. Ростовцеву, можетъ быть такое пристрастное отношеніе къ донцамъ, участникамъ Русско-Японской войны, объясняется происхожденіемъ г. Ростовцева, который, не будучи казакомъ, смотритъ на послѣднихъ недружелюбно и критикуетъ ихъ, не отдавая себѣ отчета въ тѣхъ слабыхъ сторонахъ военного строя, которыя являются основными причинами многихъ недочетовъ какъ въ строевомъ образованіи, такъ и въ нравственныхъ и служебныхъ качествахъ донскихъ казаковъ. Извѣстно, что главнѣйшимъ недостаткомъ въ военной организаціи казаковъ является существованіе льготы, которая губитъ военный духъ казачьихъ войскъ. Для каждаго казака ясно, что льготные казачьи полки далеко уступаютъ первоочереднымъ полкамъ и, строго говоря, не годятся для выполненія роли корпусной или армейской кавалеріи, а пригодны только для роли дивизіонной кавалеріи, придаваемой пѣхотнымъ дивизіямъ въ количествѣ 2—3-хъ сотенъ на дивизію. Г. Ростовцевъ, не уяснивъ себѣ боевое значеніе казачьихъ льготныхъ полковъ, отнесся къ этимъ льготнымъ частямъ слишкомъ строго и приравнялъ ихъ къ первоочереднымъ казачьимъ полкамъ, тогда какъ льготные казачьи полки способны только къ выполненію второстепенныхъ задачъ въ составѣ пѣхотныхъ дивизій. Повидимому, такъ смотрѣлъ на казачьи полки и бывшій главнокомандующій генералъ-адъютантъ Куропаткинъ и прочіе высшіе начальники, которые назначали ихъ на сторожевую службу на флангахъ и впереди арміи, для охраны послѣдней на позиціяхъ. Между тѣмъ, г. Ростовцевъ трактуетъ о льготныхъ казачьихъ полкахъ, какъ о настоящей кавалеріи (корпусной) и дѣлаетъ выводы, что кавалерія по опыту Русско-Японской войны потеряла свое значеніе и должна дѣйствовать преимущественно въ пѣшемъ строю. Такой выводъ изъ дѣйствій

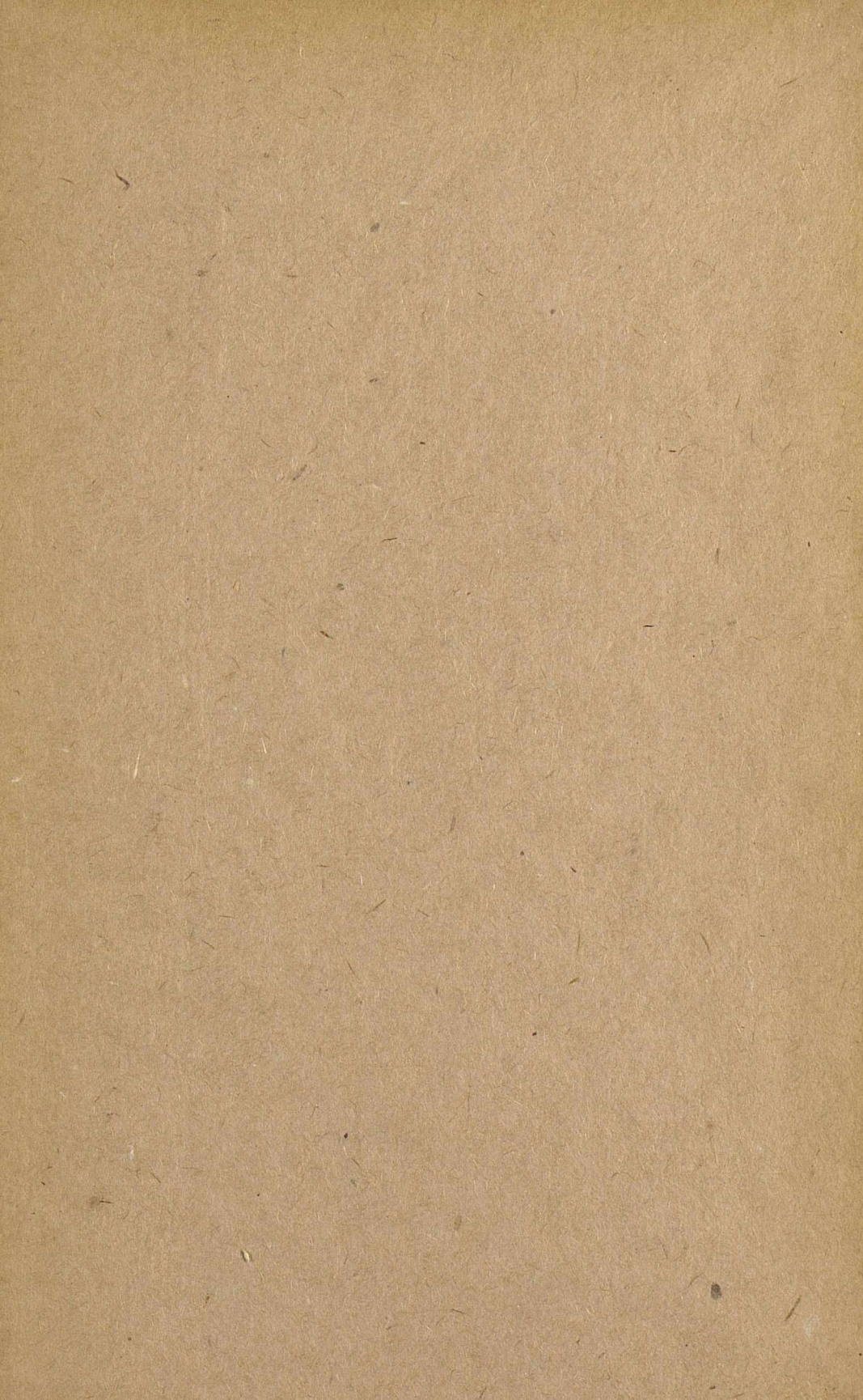
нашихъ казачьихъ полковъ, преимущественно льготныхъ, въ Росско-Японскую войну нельзя признать правильнымъ, такъ какъ въ этой войнѣ мы не имѣли настоящей (корпусной) кавалеріи. По моему глубокому убѣжденію, роль *корпусной или армейской кавалеріи* въ будущей войнѣ далеко не выяснена и нѣтъ серьезныхъ основаній отрицать возможность широкой дѣятельности этой кавалеріи передъ фронтомъ, на флангахъ и въ тылу арміи.

Н. Кузнецовъ.

0

11096

22

прим
МЗ

2022045154